

Сергей
Андреевич
Муромцев
(1850 – 1910)

Опубликовано в издании:

Томсинов В. А.

Российские правоведы XVIII – XX веков:
Очерки жизни и творчества. В 2-х томах.
М.: Зерцало, 2007. Том 2. С. 21–63.

Сергей Андреевич Муромцев

(1850—1910)

СЕРГЕЙ Андреевич Муромцев родился 23 сентября 1850 года в Санкт-Петербурге в семье офицера лейб-гвардии Московского полка. Его мать — Анна Николаевна (1822—1901) — происходила из старинных дворянских родов Борщёвых и Костомаровых. Род его отца — Андрея Алексеевича Муромцева (1818—1879) — также уходил своими корнями в далекое прошлое. Фамилия Муромцевых указывала на то, что первые ее носители жили когда-то в районе расположенного на реке Оке старинного русского города Мурома: во всяком случае, Сергей Андреевич считал Муром своим фамильным городом, а друзья его или просто знакомые иногда в шутку говорили о нем как о потомке былинного русского богатыря Ильи Муромца.

По данным, полученным Сергеем Андреевичем в результате собственных генеалогических изысканий, первый представитель его рода носил имя Афанасий и жил в начале XVII века. Его сын — Семен Афанасьевич Муромцев — служил царю Василию Шуйскому и в составе его ратников оборонял Москву от войска Лжедмитрия II. Никита Семенович Муромцев был стольником при царском дворе. Алексей Никитич Муромцев (1682—?) также состоял на государственной службе, в 1739 году он вышел в отставку. Его сын — Никита Алексеевич Муромцев — служил подпоручиком в Преображенском полку, вышел в отставку после издания в 1762 году «Манифеста о вольности дворянской». Он был довольно богатым помещиком: помимо родового имения Дудино, которое находилось в Медынском уезде Калужской губернии, у него были поместья в Орловской, Смоленской и Тульской губерниях. Никита Алексеевич был прадедом правоведа С. А. Муромцева. Дед Сергея Андреевича — Алексей Никитич Муромцев (1769—1838) — участвовал в чине секунд-майора Московского гренадерского полка в русско-турецкой войне, а во время Отечественной войны 1812 года, будучи в отставке, состоял в ополчении. Его имение Предтечево нахо-

дилось в Тульской губернии. В 1800 году Алексей Никитич женился на дворянке Черниговской губернии Прасковье Семеновне Уманец, у них родилось 14 детей: самым младшим из них был отец Сергей Андреевича.

В 1854 году Андрей Алексеевич Муромцев был возведен в чин полковника. В следующем году его назначили командиром второго гренадерского запасного полка. С этой должности он вышел в 1858 году в отставку, купил находившееся в 40 верстах от Предтечево имение Лазавку в Новосильском уезде Тульской губернии¹ и переехал туда на постоянное жительство вместе с семьей.

Сергей был четвертым ребенком в семье Андрея Алексеевича и Анны Николаевны Муромцевых. И первым из них, пережившим детство: никто из трех ранее родившихся у них детей не дожил и до двухлетнего возраста. Родившиеся у Муромцевых после Сергея еще один сын (Николай) и две дочери оказались более счастливыми: они избежали ранней смерти. Брат Сергея Андреевича — Николай Андреевич Муромцев (1852—1933) — в 1880 году окончил Императорское Московское техническое училище², получив специальность инженер-механика. В начале XX века он был членом Московской городской управы. Его дочь Вера Николаевна Муромцева (1881—1961) известна как жена (до 1922 г. — невенчаная) писателя и поэта Ивана Алексеевича Бунина.

Дедом Сергея Муромцева по материнской линии был Николай Андреевич Костомаров, а бабушкой — Александра Михайловна Костомарова. Ей принадлежало имение Харино в Крапивенском уезде Тульской губернии. До того как родители Сергея обзавелись собственным имением, мальчик обыкновенно проводил здесь лето. Николай Андреевич, вышедший к тому времени в отставку в генеральском чине, любил рассказывать своему внуку о сражениях, в которых он участвовал во время Отечественной войны 1812 года и последующего заграничного похода русской армии.

По воспоминаниям Николая Андреевича Муромцева, его старший брат уже в возрасте девяти-десяти лет играл в «государство», у которого имелись своя территория и название, совпадающие с территорией и наименованием муромцевского имения. Главой воображаемого «государства Лазавка» Сергей объявлял себя, но и това-

¹ В настоящее время — это Новодеревеньковский район Орловской области.

² В настоящее время — Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана.

рищам его по этой игре хватало высоких должностей. В «государстве Лазавка» имелся «парламент» с двумя палатами, размещавшимися в двух беседках сада: верхней палатой был «государственный совет», нижней — «палата депутатов». Государственная территория была разделена на губернии и уезды. Для сообщения между городами была устроена железная дорога со станциями и расписанием движения поездов. Глава «государства» регулярно проводил какие-нибудь реформы, которые потом описывал в его истории.

Анна Николаевна и Андрей Алексеевич были образованными людьми и постарались дать своим детям хорошее домашнее образование. Глава семейства самолично учил своих сыновей арифметике.

В 1860 году семья Муромцевых была вынуждена переехать в Москву, поскольку пришла пора их сыну Сергею поступать на учебу в гимназию. Поселились Муромцевы в Скатертном переулке, в одном из двух деревянных домов с общим двором, принадлежавших родителям Анны Николаевны. Они находились на том месте, где в настоящее время стоит каменный дом под номером 22, построенный в 1914 году по проекту архитектора В. В. Воейкова.

Учился Сергей Муромцев в гимназии¹ легко: добротная домашняя подготовка и природные задатки к умственной работе позволяли ему без особого труда получать высокие оценки. Но первым учеником в своей гимназии он не стал: более того, был случай, когда учитель латинского языка оценил его знания по этому предмету как неудовлетворительные. В семье Муромцевых факт получения Сергеем такой вполне обыкновенной для многих учащихся оценки восприняли как трагедию. Это заставило его учиться в дальнейшем с большим прилежанием. В результате гимназию он окончил с золотой медалью.

В гимназический период жизни Сергей Муромцев увлекся театром. Особенно ему понравились комедия в стихах «Горе от ума» (в ней тогда играл знаменитый актер М. Н. Щепкин) и комедия в прозе «Ревизор». Произведение А. С. Грибоедова он выучил наизусть. Сергей и сам пробовал писать небольшие пьесы и оперные либретто. И сам же их потом разыгрывал как режиссер. Письменный стол в своей комнате он превращал в сцену, на которой выстраивал из книг декорации, расставлял шашки, заменявшие ему ак-

¹ Первый класс Сергей Муромцев прошел в 4-й Московской гимназии, остальные — в 3-й.

теров, передвигал их и говорил за них то, что им надлежало говорить в соответствии с текстом пьесы. Политическая деятельность сродни деятельности театральной, а политики подобны актерам и режиссерам. Поэтому вполне можно сказать, что, играя в театр, Сергей Муромцев готовил себя, сам того не подозревая, к роли политика.

Иногда в доме Муромцевых устраивались настоящие спектакли с живыми актерами, в качестве которых выступали родные и двоюродные братья и сестры Сергея, его друзья. В этих спектаклях участвовал, например, Николай Валерианович Муравьев (1850—1908): он учился так же, как и Сергей Муромцев, в 3-й Московской гимназии, но на класс ниже, потом на юридическом факультете, но на курс ниже. В 1894—1904 годах Н. В. Муравьев занимал должность министра юстиции и совмещенный с ней пост генерал-прокурора Российской империи. Однажды в доме Муромцев играли пьесу «Жених-мандарин», автором которой был Николай Муравьев. Несколько лет спустя он сам станет женихом и женится на двоюродной сестре Сергея Муромцева Александре Викторовне Муромцевой.

Гимназические годы С. А. Муромцева пришлись на время, когда в России начинались крупные государственные преобразования. Отмена крепостного права, финансовая, земская, судебная реформы существенно обновляли русское общество и систему управления Российской империей, создавали новый суд. В эту пору формировалось мировоззрение Сергея Муромцева. Большое влияние на него оказал старший брат его отца — Семен Алексеевич Муромцев, проживавший в Предтечево. Среди окрестного населения он имел репутацию образованного и справедливого человека. В период проведения крестьянской реформы Семен Алексеевич действовал в качестве мирового посредника, потом был мировым судьей. В общении с ним Сергей Муромцев усваивал критический взгляд на окружающую действительность, проникался сознанием необходимости вести борьбу за свои идеалы. Посылая в 1877 году своему дяде Семену Алексеевичу докторскую диссертацию, Сергей Андреевич писал ему: «Вы прикосновенны и очень прикосновенны к моему сочинению. Вы были человеком, у которого я с детства научился относиться критически к окружающему и не поддаваться чему-либо бессознательно, потому только, что оно есть старое. У Вас я впервые научился смелости, с которой следует громить предрассудки. То, что Вы сделали в практической жизни, я взял на себя

в сфере научной»¹. В письме Семену Алексеевичу, написанном в конце 1878 года, после своего избрания редактором журнала «Юридический вестник», Сергей Андреевич признавался: «Каждый раз, милый дядя, когда мне приходится браться за новое дело и вести его с борьбой против всяких предрассудков, невежества, пошлости, предо мною восстаёт Ваш образ, служивший мне символом борьбы за правду. С самого детства я привык видеть в Вас человека, который ставил свою жизнь такую борьбу и имел достаточно мужества и перед властью, и перед толпою (которая подчас бывает опаснее власти), чтобы делать своё дело до конца, как следует»².

Среди биографов С. А. Муромцева распространено мнение, что именно его дядя вызвал в нем интерес к юриспруденции. Семен Алексеевич действительно мог своими беседами с племянником подвигнуть его идти учиться на правоведа, но нельзя забывать, что к такому выбору подталкивала в то время любого способного молодого человека сама духовная атмосфера в русском обществе. Реформы 60-х годов XIX века и особенно принятие в 1864 году судебных уставов, создававших новый суд, новую судебную систему, сделали юридические профессии очень привлекательными в общественном мнении. На судебные процессы стали ходить как на театральные спектакли. Посещал их в свободные от гимназических занятий часы и Сергей Муромцев.

Адвокат, поэт и литературный критик С. А. Андреевский писал в своих мемуарах об этом времени: «Газеты были переполнены отчетами о процессах. Самые незначительные речи приводились целиком. Шумели новые имена. Повсюду между обвинением и защитой происходили публичные состязания в благородстве чувств, в правильном понимании закона и жизни, в остроумии, в блеске фраз и в постижении тончайших изгибов души человеческой... Все дышало возбуждением и поневоле казалось привлекательным. И потому наиболее художественные натуры из всего народившегося, свежего поколения ушли в судебную деятельность. И нужно правду сказать: в судебных речах встречалось в то время более лиризма, психологии и красоты, нежели во всей беллетристике (исключая писателей старшего поколения)»³.

¹ Цит. по: Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей / Под редакцией Д. И. Шаховского. М., 1911. С. 8.

² Там же.

³ *Андреевский С. А.* Книга о смерти. Л., 1927. С. 119—120.

В этих условиях до небывалой высоты возрос авторитет юридической науки. Правовед С. В. Пахман признавал в 1882 году: «Серьёзная потребность в юридическом знании, как известно, была признана у нас собственно с весьма недавнего времени, именно, со времени судебной реформы, когда деятельность суда была изъята из области канцелярской тайны и стала доступна гласному контролю общественного мнения. Только с этого времени юридическая наука могла выступить с свойственным ей авторитетом»¹.

При таких обстоятельствах вполне понятным было решение Сергея Муромцева поступить после окончания гимназии на юридический факультет Императорского Московского университета.

Главной задачей данного факультета была подготовка молодых людей к гражданской государственной службе. Но Сергей Муромцев еще в самом начале учебы в университете знал, что не пойдет по этому пути. «С некоторого времени меня стал занимать вопрос о моей будущности, и я как-то чувствую, что я не совсем способен к государственной службе, что у меня гораздо больше склонности к кабинетным ученым занятиям»², — признавался он осенью 1867 года в письме к двоюродному брату Владимиру Семеновичу Муромцеву.

Спустя два года представления Сергея Муромцева о своем будущем определились еще точнее. 27 октября 1869 года он уверенно сообщал кузену Владимиру: «Minimum через 6 лет я буду защищать диссертацию на степень магистра... А лет через 7 или 8, примерно сказать в 1877 г., начну читать лекции. А до тех пор буду жить без страстей и бурь, занимаясь и учась. Благодаря своей фантазии я уже представил себе картину первой моей лекции. Впрочем, фантазия была последовательна. Вслед затем она писала мне Высочайшее повеление об отставке за распространение либерализма»³.

На первом курсе самое большое впечатление на студента Муромцева произвели лекции профессора С. М. Соловьева по русской истории. По мнению П. Н. Милюкова, слушая эти лекции, Сергей Андреевич «окончательно укрепился в своем “западничестве”»⁴. Русской историей Муромцев продолжал заниматься и позднее. Так, в феврале—марте 1870 года он написал сочинение по теме «Дружина и ее отношение к земщине до конца XII столетия».

¹ Пахман С. В. О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 67.

² ГАРФ. Фонд 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. С. 10.

На втором курсе наиболее интересными студенту Муромцеву показались лекции по русскому государственному праву, которые читал доцент Василий Иванович Сергеевич. Сохранилось литографированное издание конспекта данных лекций, сделанное однокурсником и другом Сергея Муромцева князем Л. С. Голицыным. Основной его текст занимает 239 страниц.

Начинались лекции В. И. Сергеевича с изложения общих понятий о государстве, государственном праве и политике. Затем давался обзор учений о возникновении и цели государств, после него излагались следующие темы: «общее учение о верховной власти», «формы государственного устройства», «устройство соединенных государств» (союз государств, союзное государство, личное и реальное соединение государств), «источники русского государственного права», «государственная власть», «верховная власть», «подданные», «судоустройство», «русское государственное управление».

При изложении понятий русского государственного права В. И. Сергеевич опирался на исторические факты, он старался показать, как эти понятия развивались на протяжении истории России. «Государство есть явление историческое. Все историческое развитие человечества совершается в форме государства»¹ — с этих слов начиналась его первая лекция по данному предмету.

Во время обучения на третьем курсе Сергей Муромцев попал под влияние профессора Н. И. Крылова и увлекся историей римского права. В 1880 году он вспоминал о его лекциях: «Крылов действовал на умы своих слушателей; они жили, работали под влиянием его чтений и навсегда сохранялись следы этой работы и память о ней... Пред слушателем проходили последовательно мифический патриций, — сжатый тисками религиозно-родовых сочленений, сдавленный рядом авторитетов и в то же время сильный своею консервативною привязанностью к старине, — голодный и потому заносчивый и настойчивый плебей, шаг за шагом отвоевывающий себе права и основывающий тип гражданина цветущей эпохи Рима; проходил потом этот мощный тип во всей его величественной красе для того, чтобы смениться своевольным и развращенным гражданином конца Республики, в свою очередь преобразовавшимся в еще более развращенного, робкого и подловатого клеветра Империи. Необыкновенная пластичность представления и языка делали

¹ Русское государственное право. Конспект лекций доцента В. И. Сергеевича. Издание кн. Л. С. Голицына. М., 1868—1869. С. 1.

лекцию Крылова доступною и для неизбранных слушателей. В образной речи его всегда было достаточно глубины, чтобы дать работу голове самого пытливого слушателя и в то же время в умы обыкновенные, робевшие пред отвлечением, проникало немало, благодаря именно особенностям речи профессора. В счастливом сочетании глубины мысли с пластичностью ее передачи заключался источник могучей силы Крылова как профессора. Трудно передать на словах всю увлекательность его речи, изобразить напряженное состояние, которое переживала, слушая Крылова, его аудитория. Слишком слабыми покажутся в настоящем случае обычные эпитеты. На русских юридических кафедрах не было еще лектора более замечательного... Чтобы судить о его речи, надо было самому слушать и, кто слышал ее, тот знает ее силу. Крылов был профессор-поэт»¹.

Под влиянием лекций профессора Н. И. Крылова студент Муромцев выбрал в качестве предмета своей специализации римское право. И по завершении в июне 1871 года университетского курса обучения со степенью кандидата прав² он подал прошение об оставлении его при Московском университете для подготовки к преподавательской деятельности именно по кафедре римского права. По каким-то причинам оно было отклонено. После того как Муромцев обратился с такой же просьбой во второй раз, ему было предложено остаться в университете за свой счет... при кафедре финансового права. Сергей Андреевич согласился. 6 ноября 1871 года Совет Московского университета утвердил ходатайство юридического факультета об оставлении Сергея Муромцева «на два года для усовершенствования в науках и приготовления к профессорскому званию»³. Материальное обеспечение его дальнейшей учебы в размере 200 руб. в год взял на себя его отец.

Первый год своей магистратуры Муромцев провел в имении Зяблицкий погост во Владимирской губернии, принадлежавшем его другу князю Л. С. Голицыну. В марте 1873 года он отправился с князем совершенствовать свои познания в юридических науках в

¹ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 20 томах. Т. 15. СПб., 1901. С. 244—246.

² В данной степени студент Муромцев Сергей Андреевич был утвержден решением Совета Московского университета 7 июня 1871 г.

³ Формулярный список о службе сверхштатного ординарного профессора Императорского Московского университета Сергея Андреевича Муромцева (оставлен в феврале 1884 г.) // ГАРФ. Фонд 575. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

Германию. Сначала Муромцев и Голицын слушали в Лейпцигском университете лекции профессора Иоганна-Эмиля Кунце по римскому праву, затем в Геттингенском университете посещали лекции Рудольфа фон Иеринга. Упрощенные, абстрактные схемы этого немецкого ученого почему-то произвели на Муромцева огромное впечатление. Сергей Андреевич неоднократно обращался к профессору Иерингу за советами в стремлении разрешить некоторые «недоумения», мешавшие ему завершить свое магистерское исследование. Первый том произведения Р. Иеринга «Дух римского права» Муромцев считал лучшим произведением немецкой романистики, а его автора — своим учителем наряду с профессором Н. И. Крыловым¹.

Свои впечатления о Германии Сергей Андреевич выразил в письме к двоюродному брату Владимиру Муромцеву: «Германия меня ужасно занимает. Тебе она пришлась бы по душе — все система, самая строгая система и порядок. Но я в ней уживаюсь плохо. Не то чтобы система была не по мне (как принцип): в противном ты, наверное, давно уже успел убедиться. Но в последние два—три года моей кочевой жизни я узнал и другое начало — независимость и отчасти беспорядок, а с этими качествами здесь являешься как-то пугалом»².

Весной 1874 года Сергей Муромцев возвратился в Россию и стал готовиться к экзаменам на степень магистра гражданского права. После их сдачи он завершил свою магистерскую диссертацию и представил ее к защите. Публичный диспут по диссертации С. А. Муромцева «О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права» состоялся на юридическом факультете Московского университета 5 апреля 1875 года. В качестве его официальных оппонентов выступили В. А. Умов и Н. П. Боголепов³. 21 апреля того же года Муромцев был утвержден в степени

¹ «Но на первой странице моего труда, — писал С. А. Муромцев в самом начале своей магистерской диссертации, — я считаю долгом выразить мою глубокую благодарность моим наставникам, почтенным профессорам Н. И. Крылову и Ihering'у, за благосклонность, с которой они дозволили мне обращаться к ним за разрешением некоторых, ставших на пути моей работы, недоумений, и содействовали их устранению».

² Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. С. 22.

³ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Д. 22. Л. 72. В формулярном списке С. А. Муромцева, составленном в 1884 г., датой публичного диспута по его магистерской диссертации почему-то указано 21 апреля 1875 г.

магистра на заседании Совета Московского университета. Тогда же он был избран доцентом юридического факультета по кафедре римского права¹. Совет Московского учебного округа утвердил его в названной должности 26 апреля 1875 года. 31 августа 1875 года доцент Муромцев был возведен в чин надворного советника.

В своей магистерской диссертации, изданной в 1875 году в Москве в виде книги, Муромцев развивал, как он сам признавал, высказанную Рудольфом фон Иерингом в работе «Дух римского права» идею о том, что «объективное право, начиная с древнейшей эпохи его развития, представляет непосредственный продукт умственного труда, названного в данном случае юридическим мышлением или юриспруденцией в широком смысле слова»². Русский ученый считал, что этот вопрос можно рассматривать по двум направлениям: по его словам, «во-первых, полезно было бы исследовать зависимость формы каждого отдельного института от юриспруденции и отметить, что именно в его конструкции должно быть отнесено на счет ее своеобразного действия. Во-вторых, не менее полезно было бы выделить различные свойства юридического мышления и исследовать каждое из них в его историческом развитии»³. Магистерская диссертация Муромцева была исследованием второго рода. Выбор же из свойств римского юридического мышления консерватизма Сергей Андреевич объяснял следующим образом: «Консерватизм составлял свойство, характеризовавшее римскую юриспруденцию в продолжение весьма долгого периода ее деятельности и служил важною образующею причиною в истории юридических норм Рима; благодаря консерватизму юриспруденции, в римском праве явился целый ряд определений, отличительная черта которых состоит в том, что их появление вызвано явно не потребностями правовой жизни, а самостоятельными потребностями юридического мышления. Известно, что эти определения не составляют явления, вполне незамеченного современною нам литературою, но все, что сделано по отношению к ним, довольно неудовлетворительно. Существует много исследований об отдельных, относящихся

¹ В формулярном списке С. А. Муромцева говорится, что он был утвержден доцентом кафедры «римской словесности». Это явная описка: Сергей Андреевич занял кафедру, которую ранее занимал его учитель профессор Н. И. Крылов.

² Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права // Муромцев С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004. С. 61.

³ Там же. С. 64.

сюда предметах, которые по большей части диаметрально расходятся между собою в выводах, и даже тот факт, что все явления этого рода находятся в вышеуказанной связи с деятельностью юриспруденции, не может еще почесться бесспорным; при этом не существует сочинения, которое рассмотрело бы все эти явления под одною точкою зрения и определило бы их историческое соотношение»¹. Своей магистерской диссертацией Муромцев намеревался «восполнить сколько-нибудь указанные недостатки»². Он рассматривал это исследование в качестве начального этапа всестороннего исторического изучения консерватизма римской юриспруденции.

Консерватизм юриспруденции Муромцев видел в «ее склонности сохранять по возможности долго, не стесняясь практически требованиями гражданского оборота, раз установившиеся ассоциации юридических представлений»³. Он доказывал в своей работе, что в Риме «консерватизм юристов пришел в столкновение с их практическим чувством, подсказавшим им о необходимости идти вслед за потребностями развивавшегося гражданского оборота, а к примирению послужили две формы мышления, при которых старые юридические понятия сохранялись не изменившимися, а новые явления правовой жизни общества получали юридическую защиту»⁴. Этими формами в их исторической преемственности были, по его мнению, аналогия и дуализм в правовой системе.

Рассматривая указанный дуализм, Муромцев выявил его благоприятные последствия для развития юридической мысли: «юридические понятия, отнесенные юристами в новую самостоятельную систему, могли, как отрешенные от влияния старых идеалов, развиваться совершенно свободно и послужили центром, к которому примкнуло образование юридических понятий, представлявших собою действительно нечто новое»⁵.

Муромцев отмечал в своей диссертации, что консерватизмом отличалась не только римская юриспруденция, но и, например, юриспруденция английская. Однако в Древнем Риме это свойство юриспруденции имело особенно сильный характер. По его словам,

¹ Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права. С. 64—65.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 212.

«в римской правовой жизни развитие консерватизма юриспруденции было усилено тем особенным обстоятельством, что формулирование права находилось в руках двух органов, закона и претора, из которых второй, считаясь подчиненным первому, принимал между тем наиболее деятельное участие в создании и направлении объективного права. Ряд искусственных юридических конструкций, замечаемый в римском праве, имел своим назначением прикрыть в области теории вторжение претора в сферу закона. Сюда, между прочим, относятся: древние способы интерпретации закона, некоторые мнимые сделки, преторские стипуляции, отчасти юридические фикции; далее: параллельные институты, какова бонитарная собственность, параллельные иски и, наконец, юридическая теория *exsertio*»¹.

2 сентября 1875 года началась преподавательская деятельность С. А. Муромцева на юридическом факультете Московского университета: его вступительная лекция была посвящена теме «Римское право как предмет науки». Текст ее был напечатан в том же году в шестой книжке «Журнала гражданского и уголовного права». «Первый год чтения лекций — штука нелегкая, пять дней в неделю у меня уходит на лекции и приготовления к ним»², — сообщал он в сентябре указанного года Владимиру Муромцеву. В октябре же Сергей Андреевич жаловался своему двоюродному брату на постоянную усталость и недомогания. «Вся неделя уходит на лекции, — писал он, — с месяц уже чувствую себя нехорошо, как-то ослаб и энергия упала, спокойный сон совсем меня оставил»³.

Для поправки здоровья Сергей Муромцев исходатайствовал себе заграничный отпуск. Приказом Министерства народного просвещения от 6 марта 1876 года такой отпуск ему был предоставлен, и 17 мая того же года он выехал за границу. В Россию он возвратился уже в июне и с материалами, необходимыми для работы над докторской диссертацией, отправился в деревню. «Я работаю теперь над новым сочинением, которое должно послужить мне в качестве докторской диссертации, готовлю также несколько критических статей», — сообщал Сергей Андреевич летом 1876 года кузену Владимиру.

¹ Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права. С. 212.

² ГАРФ. Фонд 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.

³ Там же. Л. 52.

27 ноября 1877 года С. А. Муромцев успешно защитил в публичном заседании юридического факультета Московского университета диссертацию на степень доктора гражданского права под названием: «Очерки общей теории гражданского права»¹. 3 декабря Совет Московского университета утвердил его в докторской степени.

Изданная в 1877 году в виде книги докторская диссертация С. А. Муромцева состояла из очерков, непосредственно посвященных вопросу научно-исторического изучения гражданского права, учению об образовании гражданского права и естественному праву². В предисловии к своему труду автор писал: «Не будучи плодом претензии развить всецело общую теорию гражданского права, они содержат в себе только ряд опытов, назначенных к уяснению некоторых вопросов из числа многих, имеющих отношение к общетеоретическим задачам гражданского правоповедения»³.

Наука гражданского права не может рассматриваться в отрыве от юридической науки в целом, частью которой она является. Поэтому, рассматривая общетеоретические проблемы цивилистики, Муромцев неизбежно выходил на вопрос о сущности научной юриспруденции как таковой. Он считал, что это явление свойственно только современному этапу развития правовой культуры. «Конечные цели юриспруденции, — отмечал он, — всегда и всюду остаются одинаковы. Они заключаются в регулировании правовой жизни общества, т. е. в образовании юридических норм, соответствующих обстоятельствам и в применении их к жизни. Но видоизменяются формы, в которых эти цели достигаются. Римская юриспруденция и рядом с нею юриспруденция всех цивилизованных народов в известный, ранний период своего развития дает образец полного соединения обеих функций на практической почве. Нормы гражданского права формулируются в судебной сфере по поводу и ради каждого отдельного процессуального случая, к разрешению которого и применяются. В каждом отдельном случае главный стимул, руководящий юридическим исследованием, зак-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 46. Д. 438. Л. 7.

² См.: Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Ч. I: Введение. О научно-историческом изучении гражданского права. Об образовании гражданского права. М., 1877.

³ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Часть первая // Муромцев С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004. С. 217—218.

лючается в необходимости удовлетворить данной практической потребности. Постепенно развивающаяся любознательность еще не изменяет характера правоведения и даже способствует развитию его казуальности, прибавляя к действительным казусам выдуманные. На этой ступени юриспруденции нет различия между теорией и практикой, и юриспруденция представляется практическим искусством. Такой вид образования права предполагает живую, непосредственную связь юриста с жизнью и самостоятельность его правового чувства относительно возможных посторонних влияний. Эти условия почти не существуют у современной нам юридической жизни. Юридическое мышление каждого образованного народа находится теперь под давлением целого ряда посторонних влияний и теоретических идеалов, сковавших европейскую цивилизацию еще в самом ее начале, наше правовое чувство формируется этими идеалами столько же, сколько и потребностями окружающей нас жизни, и столкновение идеалов с реальной действительностью, столь нередкое, устраняет всякую возможность идти в деле юридического творчества исключительно путем полусознательного приспособления к обстоятельствам, как шли римские юристы. Не устранившись совершенно, этот путь уступает первенствующее место сознательной выработке руководящих принципов права»¹.

Муромцев показал в своей диссертации ограниченность распространенного среди юристов представления о том, что предметом юридической науки является только действующее право, и ее задача заключается в уяснении лишь того, как нормы этого права применяются на практике. Признавая необходимость догматической разработки действующего права, ученый считал, что она будет плодотворной только в сочетании с изучением общественных отношений, из которых вырастают правовые институты, и познанием истории права. «Наука гражданского права, — отмечал он, — есть наука о *порядке, в котором происходят комбинации различных элементов народной жизни, производящих в истории гражданские институты*»².

По словам Муромцева, «наблюдение над историей и жизнью показывает полную несостоятельность» мнения, полагающего, что дело «настоящего» юриста «может и должно ограничиваться изуче-

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 390—391.

² Там же. С. 398.

нием одной технической стороны правоповедения, обнимающей собою все средства, необходимые для правильного применения закона». Факты правовой истории удостоверяют, например, что «законодательная функция не может быть отделена вполне от власти судебной вопреки всем направленным к тому мерам, и что толкование закона всегда содержит в себе явное или скрытое преобразование его. Современная конструкция догмы гражданского права и лежащее в ее основании учение о толковании закона игнорирует совершенно это обстоятельство и ведет к такому образованию юристов, которое не согласуется с существом их практической деятельности. Догма, основана ли она исключительно на формальной систематике, или же на раскрытии связи, существующей между юридическими определениями и вызвавшими их потребностями, дает более или менее верное представление о содержании действующих источников права, но, предоставленная одним собственным силам, не вырабатывает критерия для оценки его исторического значения, необходимого на случай столкновения закона с жизнью или бессилия его пред нею. Каждый раз, как юристу приходится навязывать жизни не соответствующие ей предписания объективного права, или же за неполнотою этого последнего прибегать к своим собственным средствам для формулирования новой нормы, он не владеет никаким указанием на путь, которого следует держаться»¹.

Правильная методика правотворчества может быть усвоена, подчеркивал Муромцев, только при изучении истории права. В связи с этим он писал в своей докторской диссертации: **«Понимать закон — значит понимать его как момент исторического развития; применять его — значит знать историческое соотношение принципов, образующих его содержание, и содействовать реализации прогрессивных начал, удерживая излишнее проявление начал отживающих. Так, вопреки всем догматическим теориям понимают и применяют закон на самом деле. Но в интересах дела необходимо, чтобы происходящее скрыто и бессознательно, делалось открыто и сознательно, чтобы наука и школа не оставляли практику в этом важном деле без помощи руководства. **Чтоб быть хорошим юристом, мало владеть одною техникою правоповедения, но надо прежде всего быть образованным гражданином**»² (выделено мной. — В. Т.).**

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 399.

² Там же.

Теоретические обобщения могут быть сделаны только на основе историко-правовых исследований. Поэтому догматическая юриспруденция, оторванная от истории права, не является юридической наукой. Муромцев же считал, что обособленная от историко-правового анализа догматическая разработка вообще бессмысленна: она не выполняет своих задач и не может дать необходимого результата. «Техника права удовлетворит лучше своему назначению, — отмечал он, — когда догматический анализ юридических определений станет в зависимость от анализа историко-философского. Путем этих изменений, не отказываясь вполне от прежних форм разработки права, но совершенствуя их, юриспруденция преобразится в науку в наиболее строгом значении этого имени»¹.

Докторская диссертация С. А. Муромцева имела программное значение. Ее основные положения составляли идейное содержание нового (для того времени) направления в правоведении, которое отличалось в подходе к праву, с одной стороны, от естественно-правового учения, с другой — от учения «исторической школы». Муромцев рассматривал его как дальнейшее развитие и соединение верных элементов обоих учений — естественно-правового и исторического. Он не дал этому направлению определенного названия, обозначив его просто как «новое воззрение». Историки же правовой мысли назовут его «социологическим позитивизмом»².

Характеризуя «новое воззрение», Муромцев отмечал, что оно было выработано «путем самостоятельного изучения истории права». Начало его разработки было положено историко-правовыми исследованиями Рудольфа фон Иеринга. Именно его произведения Муромцев имел в виду, когда писал: «Новейшие исследования о происхождении и дальнейшем развитии культуры, по своей глубине принадлежащие, без сомнения, к числу лучших “историко-философских” трудов нашего времени, приходят к тому заключению, что порядок общественной жизни, и в частности, правопорядок, даже в своих первых зернах, дался людям не сам собою, но приобретен ими посредством долгой и упорной работы»³. От данной идеи, проводившейся в работах Р. Иеринга «Дух римского права», «Борь-

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 401.

² См.: Зорькин В. Д. Муромцев. М., 1979. С. 18—32.

³ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 431.

ба за право», «Цель в праве», Муромцев отталкивался при формулировании основных положений своего «нового воззрения».

Признав, что право вырабатывается деятельностью человека и общества, русский ученый констатировал далее, что «каждый акт этой деятельности не составляет чего-либо произвольного и изолированного, но обусловлен результатами предшествовавших ему актов и всеми сопровождающими его обстоятельствами, между которыми главное место принадлежит совокупности условий, вытекающих из природы человека и общества»¹.

В качестве следующей идеи «нового воззрения» Муромцев выделял идею *постепенности* развития. «Этой идеи, — отмечал он, — чуждалось учение, господствовавшее до исторической школы, допуская возможность полного произвола мудрого законодателя. К означенной идее не было особенно близко и “историческое” правовоззрение, так как вследствие объективизма право представлялось им как бы изначала готовым и, следовательно, не требовало постепенной выработки. Согласно с новым воззрением ничто в праве не дается готовым сначала, но и ничто не вносится в него человеком вдруг. Право есть продукт постепенного исторического развития направленной к тому деятельности человечества»².

Из приведенных идей Муромцев выводил мысль о том, что «в процессе правообразования следует различать два элемента его: совокупность фактических отношений внутри общества (в связи со всеми обуславливающими их обстоятельствами), подлежащих регулированию юридическими нормами; и совокупность психической деятельности общества (в связи с ее условиями), направленной к отысканию и реализации этих норм, или вообще правопорядка». По словам ученого, «в сфере гражданского права к первому элементу применимо название гражданского оборота, ко второму — юриспруденции в широком смысле этого слова. Оба элемента могут быть предметом самостоятельного исследования. Каждый правопорядок есть результат взаимодействия обоих элементов»³.

Представив право в качестве результата психической деятельности людей, направленной к созданию юридических норм для регулирования фактических отношений в обществе, и проведя тем са-

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 432.

² Там же. С. 433.

³ Там же. С. 434.

мым идею о том, что в праве нет ничего существующего изначально и независимо от людей, Муромцев неизбежно должен был обратиться к теме естественного права, поскольку под ним понималось то, что дается людям само собой, от природы и, соответственно, без каких-либо усилий с их стороны. Сергей Андреевич вполне сознавал, что такое понимание естественного права, выраженное уже в самом названии этого явления, противоречит основным положениям его диссертации. «Существует мнение, — признавал он, — распространенное одинаково как в науке, так и вне ее пределов, полагающее, что познание многих юридических определений дается людям само собою, не требуя с их стороны такого активного участия духовной деятельности, какое бывает необходимо в случаях другого рода. Совокупность подобных определений, под именем естественного права, противопоставляется обыкновенно праву историческому, выработанному непосредственно человеком»¹. Муромцев постарался показать ложность подобного мнения. Он заявил, что, во-первых, в данном случае мы имеем дело «с отражением неправильно понятого философского объективизма, влияние которого побуждает юристов искать в праве непосредственное выражение объективного правопорядка и находить его в “естественном” праве. Во-вторых, мы встречаемся здесь с продуктом слишком поспешного обобщения наблюдений над правом за сравнительно короткий промежуток времени»². «С точки зрения истории, — продолжал свою критику Муромцев, — приведенное воззрение несостоятельно, потому что не покоится на достаточно доказанных основаниях. Вечность правоопределения и неизменяемость его во все время его существования могли бы служить доказательством его естественности, если бы только действительно существовали»³.

Рассмотрев, на каких основаниях покоится представление о естественности норм естественного права, их независимости от человеческой деятельности, Муромцев сделал вывод о том, что оно проистекает всего лишь из ощущения людьми этих норм в качестве естественных. По его словам, «правоопределения, отнесенные в разряд естественных, обладают такими свойствами, которые, не свидетельствуя о действительной естественности их, могли при извест-

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 435.

² Там же. С. 435—436.

³ Там же. С. 437.

ных субъективных условиях породить уверенность в том». Выявлению таких свойств и описанию, каким образом они привели к идее естественного права, Муромцев и посвятил третий очерк своей диссертации. Он обратился, в первую очередь, к римским концепциям естественного права и показал, что многие ссылки римских юристов на природу вещей или на естественный разум не имели никакого отношения к вопросу о естественном праве. Естественность норм, приписывавшихся юристами в Древнем Риме естественной справедливости, заключалась в действительности лишь в их логической очевидности или в соответствии потребностям гражданского оборота или в чем-либо еще. Но в любом случае сущность естественности правовых норм, констатировал Муромцев, не определялась «содержанием самого понятия об «естественном», потому что это понятие не имеет никакого определенного содержания»¹. Конечный его вывод из рассмотрения значения определения «естественное» гласил: *«Все гражданское право естественно в том смысле, что каждое отдельное определение его образуется, как историческое явление, закономерным взаимодействием условий образования гражданского права — свойств человека (его потребностей и способностей), общественного организма и внешней обстановки их деятельности; но ни одно из определений права не естественно в смысле определения, дарованного самою природою помимо усилий мысли и дела людей»*².

Некоторые идеи своей докторской диссертации Муромцев повторил в книге «Определение и основное разделение права», изданной в Москве в 1879 году. Она выросла, как признавал сам автор, из лекций, которыми он начинал обыкновенно свой курс римского права. В предисловии к данной книге Сергей Андреевич написал, что ее цель заключалась в том, что «ввиду вновь возрастающего интереса к общим вопросам правоведения, — интереса, который, несомненно, обусловлен сознанием необходимости радикального преобразования нашей науки, — изложить систематически мысли, из коих многие далеко не новы, но которые все еще не были сопоставлены в порядке, наиболее благоприятном для справедливой оценки их»³.

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 497.

² Там же. С. 502.

³ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права // Муромцев С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. С. 505.

Важнейшим среди общих вопросов правоведения был (и остается до сих пор) вопрос о сущности и задачах юридической науки. Прежде чем дать ему решение, Муромцев остановился на теме о сущности и задачах науки вообще. Он напомнил общеизвестные истины, согласно которым конечная цель науки — удовлетворение потребностей, создаваемых жизнью, лучший путь, которым эта цель достигается, есть путь чистой любознательности, «задача науки заключается в определении законов, по которым происходят явления»¹. Дальнейший ход его рассуждений был прост и логичен: «задача социальных наук должна состоять в изучении *законов*, по которым происходят явления общественной жизни», «правоведению надлежит изучить законы развития той области социальных явлений, которая известна под именем права», «первый шаг науки — чисто объективный, наблюдательный. Она определяет, что *есть*. Политика, в смысле теории искусства, исполняет второй шаг. Она определяет, что *должно быть*, к чему *следует* стремиться»².

Взглянув с точки зрения приведенных рассуждений на цивилистику, Муромцев сделал вывод о том, что следует различать: «общее гражданское правоведение и гражданско-правовую политику». По его словам, только «*общее гражданское правоведение* есть наука в строгом смысле. Не преследуя никакой практической цели, но руководясь исключительно требованиями любознательности, оно изучает законы развития гражданского права. Оно предполагает, как подготовительную стадию, *описательное гражданское правоведение*, которое описывает в правильной системе факты гражданского права. *Гражданско-правовая политика* определяет цели и приемы, которыми должны руководиться гражданский законодатель и судья. На основании ее указаний слагается догма гражданских правоопределений, которая излагает действующие в стране правоопределения в таком виде и по такой системе, которые прямо отвечают требованиям гражданско-судебной политики»³.

В день защиты своей докторской диссертации С. А. Муромцев был избран Советом факультета на должность экстраординарного профессора по кафедре римского права⁴. 10 декабря 1877 года Университетский совет подтвердил баллотировкой избрание его экст-

¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. С. 514.

² Там же. С. 517—518.

³ Там же. С. 518.

⁴ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 46. Д. 438. Л. 9.

раординарным профессором по кафедре римского права¹. 21 января 1878 года Министерство народного просвещения утвердило его в этой должности.

22 февраля 1878 года Совет Московского университета избрал С. А. Муромцева на должность ординарного профессора по кафедре римского права², 18 марта того же года это избрание было утверждено министерством.

Преподававший в то время на юридическом факультете ординарный профессор финансового права И. И. Янжул вспоминал: «С. А. Муромцев... вступил в Московский университет и занял профессию еще в очень относительно юном возрасте, примерно лет 26 или 27, если не моложе. Ученик знаменитого Иеринга, которого он слушал в Иене вместе со своим другом князем Львом Голицыным, С[ергей] А[ндреевич] выдавался на кафедре целым рядом завидных качеств. Он не только обладал серьезными сведениями по предмету своей специальности — римскому праву — который, между прочим, в Москве он слушал у Никиты Крылова, но всегда отличался хорошим даром слова, обладая привлекательной наружностью и замечательным умением собой управлять»³.

В конце 1878 года С. А. Муромцев был избран в коллегию редакторов журнала «Юридический вестник», который являлся печатным органом Юридического общества при Московском университете. Редакторами данного журнала являлись также М. М. Ковалевский и В. Н. Лешков, но именно Муромцев стал его фактическим руководителем. Благодаря ему «Юридический вестник», пребывавший прежде в плачевном состоянии, быстро превратился в авторитетное и интересное периодическое издание по юридическим наукам. И. И. Янжул писал об этом в своих мемуарах: «С. А. Муромцев очень скоро попал в Юридическое общество, которое долго у нас было мертворожденным, особенно его орган “Юридический вестник”, который благодаря искусству и таланту С[ергея] А[ндреевича] и помощи таких лиц, как Ковалевский и многих других, утратил свою мертвенность, ожил и сделался серьезным юридическим органом, со множеством интереснейших статей, и оставил, не-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 46. Д. 438. Л. 11.

² С этого же дня С. А. Муромцев являлся по чину Табели о рангах статским советником.

³ Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. М., 2006. С. 174.

сомненно, навсегда память о полезной и плодотворной деятельности С[ергея] А[ндреевича] в Московском университете, не менее в этой области, как и в профессоруре. Правда, было изрядное количество недовольных С[ергеем] А[ндреевичем], вероятно, большей частью из лиц, завидовавших его быстрому успеху и им чем-нибудь затронутых; такие, например, утверждали, что умственные и научные качества почтенного председателя Юридического общества подвергаются—де многим сомнениям, и что в действительности его личность представляет—де собой в сущности весьма посредственное явление, личность, которая никогда ничего оригинального и выдающегося не делала и не говорила, и что—де Муромцев не более, как любили они употреблять прозвище, представляет будто бы собой “общее ходячее место” (!). Разумеется, такие злые языки и отзывы можно объяснить лишь исключительно завистью или злопамятностью»¹.

М. М. Ковалевский, начавший в 1877/78 учебном году свою преподавательскую деятельность на юридическом факультете Московского университета, вспоминал о Муромцеве того времени: «Он рано проникся той мыслью, что ученый-юрист призван содействовать развитию правосознания в обществе, что это правосознание должно вырасти на почве научного изучения как действующего законодательства, так и народного обычая, что юридические общества могут немало сделать в этих обоих направлениях, особенно если при них существует постоянный орган, научно освещающий текущие вопросы юридического творчества в его тесном общении с жизнью. Муромцеву Москва обязана оживлением упавшего интереса и к “Юридическому вестнику”, и к тому обществу, которого он был отражением. Общественные науки, экономика и статистика, впервые введены были в число тех, которыми стали интересоваться и которые начали разрабатывать собрания ученых теоретиков и судебных практиков, происходившие обыкновенно раз в неделю в университете для чтения сообщений и совместного обсуждения вопросов, возбуждаемых докладчиками»².

20 февраля 1880 года С. А. Муромцев был избран председателем Юридического общества при Императорском Московском университете. Приказом по Министерству народного просвещения от

¹ Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. С. 175.

² Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 203—204.

14 марта 1880 года ему была предоставлена командировка за границу с ученой целью с 10 апреля по 15 августа 1880 года. Но Сергей Андреевич возвратился в Россию уже 1 июля — на полтора месяца раньше срока.

5 февраля 1881 года С. А. Муромцев был избран проректором Московского университета на трехлетний срок¹, однако пробыл он на этой должности недолго. После убийства императора Александра II в Московском университете начались волнения среди студентов. Сергей Андреевич не хотел принимать никаких мер к студентам, превращавшим учебное заведение в политический клуб. Он надеялся, что студенческие волнения улягутся сами собой, «когда будут разрешены касса, библиотека и кухмистерская, управляемые самими студентами»². Но его надежды не оправдались.

10 марта радикально настроенные студенты собрались на сходку с тем, чтобы выработать свои требования к руководству университета и к правительству. Проректор Муромцев пытался словами утихомирить участников этого собрания, но был ими освистан. Тем не менее он не стал сообщать властям фамилии инициаторов и активистов сходки. Эти студенты были выявлены, арестованы и исключены из университета без его участия.

Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, докладывая о студенческих волнениях в Московском университете императору Александру III, обвинил проректора Муромцева в потворстве им. И хотя разбирательство, проведенное по распоряжению Александра III попечителем Московского учебного округа гр. П. А. Капнистом, опровергло это обвинение и действия Муромцева в качестве проректора университета были одобрены, он подал 30 мая прошение об отставке, которое было удовлетворено 24 августа 1881 года.

В 1882 году Сергей Андреевич женился: его избранницей стала двадцатипятилетняя Мария Николаевна Климентова. В 1880 году она окончила Московскую консерваторию по классу вокала и начала петь в Большом театре. Выступая на сцене Большого театра до 1889 года, Мария Климентова исполняла роли Маргариты в опере «Фауст», Татьяны в опере «Демон», Антонида в опере «Жизнь за царя», Розины в «Севильском цирюльнике», Людмилы в опере «Рус-

¹ Министр народного просвещения утвердил Муромцева в должности проректора Московского университета 17 февраля 1881 г. (ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 53. Д. 345. Л. 16 об.).

² Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. С. 35.

лан и Людмила», Марии в опере «Мазепа» и Рахиль в опере «Жидовка». Она была первой исполнительницей партии Татьяны в опере Чайковского «Евгений Онегин» (в спектакле учащихся Московской консерватории, состоявшемся в 1879 г.) и роли Оксаны в опере «Черевички» (1887 г.). После 1889 года супруга Муромцева вела класс вокала в консерватории.

Мария Николаевна Климентова-Муромцева переживет своего мужа почти на 36 лет: она умрет в Париже в 1946 году.

В 1883 году у супругов Муромцевых родилась дочь Ольга¹. В том же году Сергей Андреевич пережил и горе: неожиданно скончалась его младшая сестра.

С самого начала своей преподавательской деятельности профессор Муромцев открыто проявлял себя сторонником университетской автономии. Он был ярким противником нового университетского устава, проект которого, предполагавший существенное ограничение университетских свобод, с октября 1883 года обсуждался в Государственном совете. Возможно, именно эта позиция Муромцева явилась главной причиной его увольнения из Московского университета². Распоряжение министра народного просвещения об отставке Муромцева от должности ординарного профессора университета было подписано 19 июля 1884 года, а новый университетский устав был утвержден императором 23 августа 1884 года.

25 июля попечитель Московского учебного округа сообщил ректору Московского университета: «Г. Министр народного просвещения предложением от 19 сего июля за № 10090, уведомил начальство Московского учебного округа, что, ввиду сообщенных Его Высочайшему Императорскому Министерству внутренних дел сведений о политической неблагонадежности проф. Императорского Московского университета, статского советника Муромцева и готовящегося к проф. званию кандидата Дриля — он увольняет

¹ В 1912 г. Ольга Сергеевна Муромцева стала врачом и вышла замуж за Николая Сергеевича Родионова (1889—1960), происходившего по женской линии от князей Шаховских. Детей у нее в этом браке не было. В 1919 г. Ольга Сергеевна развелась с Николаем Сергеевичем. После этого она вместе с матерью покинула Россию.

² Министр народного просвещения И. Д. Делянов говорил в одной из своих частных бесед о профессоре Муромцеве: «Да, большой ученый; умный, серьезный, дельный... Жаль вот только, что политические то идеи у него неподходящие. На лекциях то, правда, он о них никогда не говорит, да мы то уж знаем» (цит. по: *Нечаев В. М. С. А. Муромцев как ученый и профессор. СПб., 1910. С. 9*).

г. Муромцева от занимаемой им при университете должности, и, вместе с тем, просит меня сделать распоряжение о том, чтобы г. Дриль не считался начальством МУ кандидатом на преподавательскую должность»¹.

Увольнение Муромцева из Московского университета, хотя и лишило его значительной части дохода, не оставило его семью без средств существования. Ему принадлежало два родовых имения во Владимирской губернии: 12,5 десятины земли в Муромском уезде и 13 десятин в Гороховецком уезде; два благоприобретенных имения в Тульской губернии: 633 десятины земли в Новосильском уезде и 300 десятин в Крапивенском уезде. Кроме того, в Москве у него имелось два дома. У его супруги не было ни родовых, ни благоприобретенных имений, но доходы Марии Николаевны, ведущей солистки Большого театра, составляли около 9000 руб. за сезон.

В этих условиях Сергей Андреевич вполне мог сидеть дома и писать книги. Однако, будучи чрезвычайно деятельным по своей натуре человеком, он нуждался в общественном поприще для приложения своих сил. Лучшего места, чем адвокатура, ему в тех обстоятельствах подыскать себе вряд ли было возможно.

13 октября 1884 года Московский совет присяжных поверенных удовлетворил просьбу Муромцева о принятии его в число адвокатов: бывший профессор юридического факультета Московского университета стал присяжным поверенным округа Московской судебной палаты.

М. М. Ковалевский впоследствии вспоминал об адвокатской деятельности Муромцева: «Вскоре Сергей Александрович выделился из среды своих товарищей по адвокатуре не столько внешним даром слова, сколько глубоким знакомством с гражданским правом. Его деятельность сосредоточилась все более и более на консультациях»².

К середине 90-х годов С. А. Муромцев приобрел в качестве адвоката всероссийскую известность. Он стал получать поручения вести дела в Правительствующем Сенате от клиентов со всей России³. Пользовался Сергей Андреевич немалым авторитетом и в среде самих адвокатов: об этом свидетельствует, помимо прочего, и факт

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 53. Д. 345. Л. 2.

² Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. С. 221.

³ См.: Винавер М. М. Муромцев — адвокат и председатель думы // Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. С. 262.

избрания его в 1890 году на место товарища председателя Московского совета присяжных поверенных. Эту должность Муромцев занимал до 1905 года.

В своей статье об адвокатской деятельности С. А. Муромцева И. А. Кистяковский, сам долгое время работавший присяжным поверенным, писал, что в адвокатуре Сергей Андреевич «прежде всего остался ученым. Облик адвоката-ученого едва ли представлен в русской адвокатуре кем-либо с такою последовательностью, как именно им»¹.

Занимаясь адвокатской деятельностью более двух десятилетий, Муромцев так и не проникнулся адвокатским сознанием, адвокатской «моралью», с точки зрения которой нравственным считается защищать перед судом не только человека праведного и правого в своих поступках, но и самого последнего злодея, самого отъявленного правонарушителя. Он совершенно искренне не понимал, как можно отстаивать заведомо неправильное положение.

В сущности, Муромцев смотрел на свою адвокатскую деятельность как на своеобразную форму деятельности научной. Он стремился защитить своего доверителя сухой логикой рассуждений, строго научным толкованием статей закона. В этом смысле Муромцев был прямой противоположностью модного в его время в России адвоката-поэта С. А. Андреевского²: в отличие от него Сергей Андреевич не считал возможным для достижения нужной цели воздействовать на психику судей, возбуждать в них жалость к своему доверителю и неприязнь к его противнику в судебном процессе.

Проживал С. А. Муромцев в 90-е годы со своей семьей в доме, располагавшемся в Штатном переулке на Пречистинке. В 1896 году к нему переехала его мать Анна Николаевна, обитавшая до этого в своем старом доме в Скатертном переулке. В самом начале XX века Муромцевы поселились в небольшой по размеру квартире в новом доме, построенном 1899—1901 годах по проекту художника-архитектора Н. М. Проскурина в стиле позднего итальянского ренессанса и находившемся по адресу: Милютинский переулок, 22. Дом этот имел свою электростанцию, которая была помещена в подвале. Квартиры в нем снимали заводчики, купцы, адвокаты, врачи.

¹ Кистяковский И. А. Адвокатская деятельность // Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. С. 148.

² См. о нем: Томсинов В. А. Адвокат-поэт как явление русской адвокатуры второй половины XIX в. (к 150-летию С. А. Андреевского) // Законодательство. 1998. № 4. С. 77—80.

Преподавательская деятельность Муромцева вплоть до 1906 года была эпизодической: он читал иногда по приглашению лекции по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству в Александровском (до 1843 г. — Царскосельском лицее). В 1902 году Сергей Андреевич читал лекции в Русской Высшей школе общественных наук в Париже.

Занимаясь адвокатской практикой, С. А. Муромцев не прекращал научных исследований в области юриспруденции. В 1885 году он опубликовал в «Юридическом вестнике» работу «Римское право в Западной Европе». В 1886 году она вышла в свет в виде отдельной книги под названием «Рецепция римского права на Западе». В 1886 году была напечатана его книга «Образование права по учениям немецких юристов». Кроме того, почти каждый год в журналах и газетах публиковались статьи Муромцева по различным вопросам частного и публичного права.

До 1892 года Муромцев редактировал журнал «Юридический вестник». И после увольнения из Московского университета он продолжал быть председателем Московского Юридического общества.

26 мая 1899 года Сергей Андреевич произнес на заседании общества речь в честь столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Ее текст был напечатан в № 144 газеты «Русские ведомости». Власти были возмущены его содержанием. Муромцев сказал в конце своего выступления: «Празднуя ныне память поэта, мы торжествуем вместе с тем победу, одержанную русскою личностью над рутинною жизни и властной опеки!»

9 июля 1899 года министр народного просвещения Н. П. Боголепов обратился к попечителю Московского учебного округа со следующим письмом: «При письме от 27 мая сего года, Ваше Превосходительство доставили мне № 144 “Русских Ведомостей”, в котором напечатан точный текст тенденциозного адреса, произнесенного председателем состоящего при Московском университете Юридического общества С. А. Муромцева от имени этого общества на посвященном А. С. Пушкину торжественном заседании Совета университета и Общества любителей российской словесности.

Имея в виду, что упомянутый адрес Юридического общества есть уже не первое проявление вредного направления деятельности этого общества, которое при том состоит при ИМПЕРАТОРСКОМ университете, я признаю необходимым закрыть Юридическое общество и предлагаю Вам, Милостивый Государь, объявить Совету

университета, что он может войти с ходатайством об учреждении нового Юридического общества, но не иначе как на следующих основаниях: 1. Все профессора юридического факультета состоят его членами по своей должности и 2. Председатели общества и его отделений должны быть избираемы из профессоров юридического факультета и утверждаются в должностях министром народного просвещения»¹.

* * *

В 1881—1884, в 1889—1890 и 1897—1906 годах С. А. Муромцев состоял членом Московской Городской Думы, в 1897—1902 годах он являлся гласным Московского уездного земства, в 1889—1902 годах был гласным Московского губернского земства. Но настоящая его политическая деятельность началась только в 1904 году, после присоединения к «Союзу земцев-конституционалистов». Эта организация, провозглашавшая главными своими задачами борьбу за конституционную монархию, политические свободы и создание законодательного собрания, была создана в ноябре 1903 года. В 1905 году члены «Союза земцев-конституционалистов» и присоединившиеся к ним участники «Союза Освобождения» образовали конституционно-демократическую партию.

С. А. Муромцев участвовал в работе комиссий, разрабатывавших проекты учредительных документов партии кадетов. На учредительном съезде конституционно-демократической партии, который работал с 12 по 18 октября 1905 года, он был избран в состав ее Центрального комитета². Второй съезд кадетской партии, проходивший с 5 по 11 января 1906 года, добавил к ее названию словосочетание «партия народной свободы». Он избрал на своем заседании 8 января Центральный комитет. В его состав вошел и С. А. Муромцев, получивший 68 голосов. Сергей Андреевич оказался среди членов ЦК партии шестнадцатым по числу поданных за него голосов³.

Вскоре после второго съезда кадетской партии состоялись выборы в Первую Государственную Думу. Московское городское избирательное собрание избрало 14 апреля 1906 года в депутаты Думы

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 68. Д. 357. Л. 2.

² Русские ведомости. 1905. 15 октября. С. 3.

³ Петр Д. Долгоруков и П. Н. Милюков получили по 92 голоса, И. И. Петруневич — 91, Ф. Ф. Кокошкин — 83 голоса. См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905—1907. С. 149.

С. А. Муромцева, Ф. Ф. Кокошкина, И. Ф. Савельева и М. Я. Герценштейна. Лидер кадетов П. Н. Милуков, которому не удалось стать депутатом¹, писал впоследствии в своих воспоминаниях: «Наша победа на выборах оказалась вовсе не такой полной, как нам казалось сгоряча. Кадетов было в Думе только треть всего ее состава — 34% (153 члена вначале; потом это число поднялось до 179, то есть 37,4%)»².

Тем не менее в союзе с другими политическими группировками кадетским депутатам удалось создать пусть шаткое, но большинство. Вследствие этого еще до начала работы Думы было предпринято избрание на пост ее председателя члена кадетской партии. Наиболее удачной кандидатурой на эту роль сочли С. А. Муромцева.

Первый день работы Государственной Думы — 27 апреля 1906 года — начался с торжественного приема депутатов государем в Зимнем дворце. Оттуда они направились в Таврический дворец на первое заседание, на котором предстояло выбрать председателя Думы. С. А. Муромцев был избран почти единогласно — за него подали свои голоса 426 депутатов из 436 присутствовавших.

Вечером в тот же день кадеты собрались в помещении своего клуба, чтобы отметить произошедшее событие, которое они склонны были считать началом новой эры в истории России. И. В. Гессен вспоминал много лет спустя об этом собрании: «Депутаты говорили речи, и все были возбуждены до опьянения. Пожаловал и С. А. Муромцев, в апогее величавости, чтобы проститься с партией — председатель Думы не должен быть партийным. По заслугам перед конституционным движением право на председательское место бесспорно принадлежало Петрункевичу³, и не будь Муромцева, который лишь в последний год примкнул к общественному движению, он и был бы на этот пост выдвинут. Но Муромцев как бы для того и был рожден, чтобы стать председателем парламента. Красивое, с правильными чертами бледное строгое лицо, умные черные глаза, размеренная повелительная речь — каждое слово падало вес-

¹ «Правительство кассировало мой квартирный ценз, который я пытался себе устроить», — писал Милуков, объясняя, почему он оказался в 1906 г. вне Государственной Думы (*Милуков П. Н. Воспоминания. Том первый (1859—1917). М., 1990. С. 365*).

² *Милуков П. Н. Воспоминания. Том первый (1859—1917). С. 365.*

³ Иван Ильич Петрункевич (1843—1928) — земский деятель, один из основателей и лидеров конституционно-демократической партии.

ко, величественная осанка представляли на редкость гармоническое сочетание... Когда он восседал на высокой кафедре своей, как статуя неподвижный, с гордо поднятой точеной головой, он казался прекрасным мраморным изваянием, о которое должны сокрушиться волны возбуждения. Страстный Петрункевич в роли председателя был больше на своем месте среди своих соратников — он и был председателем центр. комитета, а в Думе — председателем авторитетным многочисленной, выдающейся по умственному и образовательному уровню фракции и сам снял в пользу Муромцева свою бесспорную кандидатуру, против которой — тоже с точки зрения летописца — стоял Милюков»¹.

Став председателем Государственной думы, С. А. Муромцев не прекратил своей адвокатской деятельности, но выступать в судах он считал вследствие своего нового статуса не вполне удобным. И. В. Гессен написал в своих мемуарах о том, как однажды Сергей Андреевич просил его «закончить ведение одного дела выступлением в Сенате для поддержания поданной им кассационной жалобы». За это Муромцев обещал Гессену выплатить гонорар в 4000 руб.²

Председательство в Первой Государственной Думе не могло не быть тяжким бременем уже по одной той причине, что Дума была *первой*. Не имелось еще опыта парламентской деятельности у депутатов, не сложилось обычаев, общепризнанных норм, регламентирующих парламентские процедуры, правительство не обладало навыками обращения с парламентом, а парламент не знал, как работать совместно с правительством. Член ЦК партии кадетов А. В. Тыркова, на глазах у которой происходили описываемые события, высказала в своих воспоминаниях мнение о том, что Муромцев давно готовил себя к посту председателя Государственной Думы. «Он изучил порядки западных парламентов, наметил, как должен председатель относиться к различным положениям и случаям, которыми богата парламентская жизнь, как надо направлять и вести заседание. Все мелочи продумал. Русских прецедентов, если не считать обычаев земских собраний, в его распоряжении не было. Надо было все создать, проявить творческий почин»³.

¹ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 22. Берлин, 1937. С. 227—228.

² Там же. С. 172.

³ Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 399.

Председателю предстояло сформировать аппарат Думы, ее канцелярию. И при этом надлежало еще вести думские заседания. М. М. Винавер кратко описал в своих мемуарах распорядок работы Муромцева во время председательствования в Государственной Думе: «В 11 часов он уже сидел на трибуне. Заседания идут часто дневные и вечерние. Предельных часов для заседаний нет, — их быть не может: работы так много и такой спешной. Дневное заседание кончается в 7—8 час., вечернее затягивается далеко за полночь. А тут только начинается канцелярия, работа с секретарем, сношения с властями. Машину надо еще только налаживать, никто ее не приготовил, а между тем необходимо ее сразу двигать — двигать в совершенстве, как подобает канцелярии муромцевской Думы»¹.

Взойдя на пьедестал председателя Государственной Думы, Муромцев обнажил в своем характере такие свойства, которые прежде те, кто лично знал его, не замечали. Теперь же эти люди совсем другими глазами смотрели на него. Одним из таких людей был философ и писатель В. В. Розанов. «Муромцев, Ковалевский и Миллюков — вожди “кадетской” партии, все москвичи, все универсанты, и хотя разных возрастов, но одного университетского времени. Их всех я помню в аудиториях Московского университета 80—81 года», — рассказывал Василий Васильевич. «Муромцев в том же 1880—81 году читал в Московском университете римское право. Я бывал на лекциях у него: он читал очень хорошо, хотя без выдающегося блеска, без “личного” в себе, без характерного. Умный, тогда еще совсем молодой, красавец брюнет, хорошего роста, сложения, манер, всегда серьезный. Нет человека менее гениального, чем он, и нет человека, к которому понятия “неумного”, или “бестактного”, или “ошибочного” шли бы менее, чем к нему. Он был тою умеренною, солидною формою ума, характера и красоты, на которую невольно любишься и за которую никогда не следуешь. Таким он, в сущности, остался и сейчас: удивительно, как за 25 лет люди, в сущности, нисколько не изменились. Величественная пассивность его содельывает из него идеального председателя прений: без него парламент просто не смог бы, не сумел бы так начаться, как начался. Это — врожденный, ничего не делающий барин, но умный, но зоркий, но наблюдательный, бесстрастный, холодный, безгранично терпеливый. Самые черты его лица, имея только в себе общече-

¹ Винавер М. М. Сергей Андреевич Муромцев // Винавер М. М. Недавнее: Воспоминания и характеристики. Пг., 1917. С. 96.

ловеческое и европейское, не имея ни чуточки русского, чего-нибудь “этакого” в носе, в губах, чего-нибудь характерного в улыбке, во взгляде, — удивительно походят к роли и смыслу председательствования. “Родятся же... без плюса и без минуса... без пороха и мороза”, — думаешь, глядя на него. Мне кажется, он так и родился уже — солидным мужем, солидным гражданином, солидным ученым — и именно по кафедре римского права, науки умной и беспристрастной. И нельзя, невозможно представить его ребенком, шалуном, школьником, студентом, клакером в театре, энтузиастом около рампы, женихом, политическим бойцом. Сидит... И как хорошо сидит!... Единственный, так удачно вылившийся у природы, дар восседания... Если не Зевс, то трон Зевса, или точнее, что-то слившееся из трона и того места, которое сидит на нем...»¹

Созданная для смягчения конфликтов, накопившихся в русском обществе к концу 1905 года, Первая Государственная Дума сама стала источником конфликтов. «Светлый день 27 апреля, — отмечал в своих мемуарах И. В. Гессен, — и остался единственным, уже на завтра началась открытая непримиримая война между Думой и правительством»². К началу июля кадетам стало казаться, что правительство терпит в этой войне поражение. В столице появились устойчивые слухи о том, что император Николай II стал склоняться к мысли о том, чтобы отправить его в отставку и создать новое правительство из представителей думских фракций и авторитетных общественных деятелей, которое будет пользоваться доверием со стороны Государственной Думы. Как впоследствии обнаружилось, слухи эти были не беспочвенными. Переговоры между представителями государя и думских фракций о формировании такого правительства действительно велись. Так, их вел дворцовый комендант Д. Ф. Трепов с лидером кадетов П. Н. Милюковым, министр внутренних дел П. А. Столыпин с председателем Думы С. А. Муромцевым. В ходе подобных переговоров составлялись списки возможных составов нового правительства. В числе кандидатур на пост Председателя Совета Министров во всех этих списках фигурировал С. А. Муромцев. Я. В. Глинка, служивший при нем в канцелярии Государственной Думы, писал об этом в мемуарах: «Уже к концу первого месяца нашей работы я стал близким человеком для

¹ Розанов В. В. Когда начальство ушло... 1905—1906 гг. Мимолетное. 1914 год. М., 1997. С. 111—112.

² Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. С. 228.

Муромцева, и он деспотически не отпускал меня от себя и [тогда,] когда заговорили о перемене в Царском [Селе]¹ курса в сторону образования ответственного министерства, что имело, очевидно, какое-то основание, так как Муромцев говорил об этом и мне, намекая на то, что если ему будет поручено составить кабинет, то не пойду ли я с ним. Я знаю, что в один из дней он с несколькими своими софракционерами должен был ехать в Царское Село. Все сидели во фраках и ждали сигнала к отъезду. Но правительство не дремало, и вдруг поездка была отклонена². Приведенное свидетельство Я. В. Глинки подтверждается в воспоминаниях князя Д. И. Бебутова³ и М. М. Винавера⁴. О том, что Муромцев надеялся в конце июня 1906 года стать премьер-министром России, написал в мемуарах и П. Н. Милюков. Он рассказал, в частности, что однажды во время заседания Думы к нему в корреспондентскую ложу пришел думский пристав и сказал, что председатель Думы просит его немедленно прийти к нему в кабинет. Когда Милюков зашел к Муромцеву, тот поднялся с кресла и без всяких предисловий спросил: «Кто из нас будет премьером?» Павел Николаевич, невольно засмеявшись от такого приема, ответил, что по его мнению, никто не будет. Но Муромцев продолжал настаивать на ответе на его вопрос. И тогда Милюков якобы сказал ему: «Что касается меня, то я с удовольствием отказываюсь от премьерства и предоставляю его вам». По словам Милюкова, Муромцев, услышав такой ответ, «не мог скрыть охватившей его радости — и выразил ее в жесте, который более подходил на антраша балерины, нежели на реакцию председателя Думы»⁵.

¹ В данном случае словосочетание «Царское Село» обозначало русского царя и его окружение. В Царском Селе после рождения великого князя Алексея постоянно пребывала царская семья. В то время, когда происходили переговоры о создании нового правительства, т. е. в июне и в начале июля, император Николай II находился в Петергофе.

² Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906—1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 44.

³ Князь Бебутов написал в своих воспоминаниях о том, что ему сообщили из Думы, будто там «только ждут телефона, чтобы Муромцеву ехать в Царское Село по поводу образования кадетского министерства» (цит. по: *Старцев В. И.* Князь Д. И. Бебутов и его воспоминания // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С. 363).

⁴ См.: *Винавер М. М.* Сергей Андреевич Муромцев // Винавер М. М. *Недавнее: Воспоминания и характеристики.* С. 91—92.

⁵ *Милюков П. Н.* Воспоминания. Том первый. С. 392—393.

Надеждам Муромцева и его соратников не удалось сбыться. В конечном итоге император Николай II пришел к мнению разрешить конфликт между Государственной Думой и правительством роспуском Думы. Высочайший указ об этом был подписан 8 июля 1906 года.

Первая Государственная Дума просуществовала, таким образом, всего 72 дня. Правительство, конечно же, не хотело работать в союзе с парламентом¹, но в этом нехотении было больше страха перед неизвестным, чем сознательного неприятия представительного органа. Парламенты давно уже действовали в Великобритании, Франции, США, Германии, и вряд ли кто из членов российского правительства считал такой орган чем-то ненормальным и сомневался, что он рано или поздно станет неотъемлемой частью политической системы и Российской империи. Большая часть вины за неудачу первой попытки утвердить в России парламентаризм лежала на лидерах партии кадетов, направлявших работу Первой Государственной Думы. Они не сумели правильно оценить политическую ситуацию, сложившуюся в России к весне — лету 1906 года. Они преувеличивали революционность народных масс и преуменьшали силу правительства. Им казалось, что если Государственная Дума будет решительна в своих действиях, то царь Николай II пойдет на дальнейшие уступки и позволит думскому большинству сформировать состав правительства. Поэтому вожди конституционно-демократической партии отвергали какие-либо компромиссы с царем.

С. Ю. Витте говорил в одном из своих интервью о позиции, которой придерживались вожди партии кадетов в конце 1905 — в первой половине 1906 года: «К сожалению, они так увлеклись своим энтузиазмом, что рассуждали по-детски. Они тогда хотели не такого образа правления, который во Франции существует теперь,

¹ В мемуарах политиков, работавших в составе Первой Думы, в доказательство нежелания правительства сотрудничать с представительным органом приводится обыкновенно тот факт, что «кабинет Горемыкина не приготовил ни одного серьезного законопроекта для внесения в Государственную Думу, если не считать таковым проект об устройстве оранжереи и прачечной при Юрьевском университете» (*Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. С. 363*). Думается, в данном случае не учитывается, что парламент в России был создан самодержавной властью под давлением обстоятельств, и времени у правительства на разработку законопроектов для обсуждения на его заседаниях, по существу, не было.

а желали одним прыжком учредить в России французскую республику далекого будущего»¹.

Л. Н. Толстой отзывался о Первой Государственной Думе более негативно. В интервью корреспонденту газеты «Новое время» Ю. Беляеву писатель заявлял: «У меня от Думы три впечатления: *комичное, возмутительное и отвратительное*. *Комичное* потому, что мне все кажется, будто эти дети играют “во взрослых”. Ничего нового, оригинального и интересного нет в думских прениях. Все это слышано и переслышано. Никто не выдумал и не сказал ничего своего... У депутатов все перенято с европейского, и говорят они по перенятому, вероятно, от радости, что у них есть “кулуары”, “блоки” и прочее и что можно все это выговаривать... *Возмутительным* в ней мне кажется то, что, по справедливым словам Спенсера, особенно справедливым для России, все парламентские люди стоят ниже среднего уровня своего общества и (вместе с тем) берут на себя самоуверенную задачу разрешить судьбу ста миллионов населения. Наконец, *отвратительное* по грубости, несправедливости выставляемых мотивов, ужасающей самоуверенности, а главное — озлобленности...»² (курсив мой. — В. Т.).

Но самую жесткую оценку дал поведению кадетов в Первой Государственной Думе В. В. Розанов, который писал в статье «Кадетская критика итогов Думы»: «Эти “политики чистой воды” показали, что в них ничего кроме честолюбия и властолюбия не содержится, что *это те же всевластные и самоупоенные бюрократы, но только одетые в пиджак, а не в мундир*. Под их аграрную программу, которую они пассивно приняли от “левых ослов”, не вложив в нее ничего оригинального от себя, — не содержалось ни малейшей любви к крестьянству, ни малейшей заботы о народе; да и

¹ Цит. по: Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996. С. 181.

² Любопытно, что в оценке Первой Государственной Думы с Л. Н. Толстым вполне сходилась и его однофамилец — ученый — нумизмат и археолог, министр народного просвещения в правительстве С. Ю. Витте, сформированного в октябре 1905 года, И. И. Толстой (1858—1916). Будучи либералом по своим политическим взглядам, Иван Иванович тем не менее критически отзывался о зарождавшемся русском парламентаризме. По его словам, не в оппозиционности Первой Государственной Думы к правительству «был корень зла, поведшего к бесплодности существования, а в ее полной нетерпимости и пошлости тона, обратившего государственное учреждение в «митинг», мечтавший только о «захватном праве», о разных «выступлениях» и о «демократизации управления страной» (Толстой И. И. Дневник 1906—1916. СПб., 1997. С. 65).

вообще это была та “фальшивая карта”, которую кадетский игрок эффектно бросил на стол, зная хорошо про себя, что она будет “убита”, и ни малейшее не смущаясь этим результатом, потому что “что же им Гекуба”! Не для крестьянского же благополучия кадеты вошли в Таврический дворец: они вошли туда для собственного благополучия. Портфели министров для глав партии и должности директоров департаментов для вторых лиц ее — таковы были подспудные вожделения. *Никакого настоящего патриотизма и никакого горячего интереса к России не было у этой партии, половина которой состояла из инородцев.* Партия эта прямо шла к разложению России, все поставив на карту ради личного куша, ради личных прожорливых инстинктов. *Никто так не повредил русскому конституционализму, как она, на первом же шагу обмакнув его в грязь, отняв у него тот идеализм, который так необходим всякому новому движению именно в первую пору его существования.* Это вред никак не мог быть возмещен тою умелостью в парламентской технике, тем знанием ее приемов и манер, которым напыженно обучал первую Думу ее председатель, г. Муромцев, и ее закулисный диктатор, г. Милюков. Умелость пришла бы потом неопытному учреждению; да и вообще эти практические умения вырабатываются сами собою в будничной практике. Но ничто не заменит высокого порыва бескорыстного одушевления, одушевления не личными и не партийными интересами, а высоким благом отечества»¹ (курсив мой. — В. Т.).

Весомость приведенным словам Розанова придает оценка, которую дал политике кадетов в Первой Государственной Думе член Центрального комитета этой партии В. А. Маклаков. По его признанию, кадеты не хотели унизиться до совместной работы с царской властью, а соглашались быть только хозяевами России².

С. А. Муромцев не относился к числу радикалов: он был готов сотрудничать с правительством. И потому прямой его вины в

¹ Розанов В. В. В нашей смуте. Статьи 1908 г. Письма к Э. Ф. Голлербаху. М., 2004. С. 201.

² См.: Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936. Т. 3. С. 602. В. А. Маклаков имел основания для такой оценки Первой Думы. На заседании 13 мая 1906 года один из думских ораторов воскликнул, обращаясь к министрам: «Мы желаем быть хозяевами, распорядителями страны и требуем ответственного народного министерства, министерства из среды народных представителей; никакое другое министерство не может быть терпимо; или мы, или они!». На это заявление депутаты Думы ответили бурными аплодисментами.

неудаче, которая постигла Думу, не было. Однако после ее роспуска о нем уже не говорили как о человеке, наиболее подходившем на роль председателя Думы. «Муромцев авторитетом, и немалым, обладал, — отмечала в своих мемуарах А. В. Тыркова. — Красивый, с правильными чертами лица, с седой, острой бородкой и густыми бровями, из-под которых темнели выразительные глаза, Муромцев одним своим появлением на трибуне призывал к благообразию. Когда страсти разгорались, особенно в те дни, когда в министерской ложе появлялись министры, внушительный вид председателя, его такт, выдержка не давали законодательному собранию превратиться в необузданный митинг. Впрочем, даже ему это не всегда удавалось. Удивительно, что при таком чувстве меры, при таком уважении к форме Муромцев не сумел или не постарался повлиять на самую суть кадетской политики в Государственной Думе. Правда, став председателем, он от партийной жизни отстранился, вышел из центрального комитета, никогда не бывал на собраниях парламентской фракции. По его мнению, идеальный председатель обязан быть выше партии. Но все-таки какая это расточительность, что весь свой трезвый аналитический ум он направил на созидание обличья Государственной Думы, ничего не вкладывая в ее подлинную, кипучую жизнь. Муромцев не пытался стать посредником между властью и Думой, найти пути к соглашению, хотя все это входит в обязанности председателя, особенно в такой переломный момент истории. Ему мешало общее настроение оппозиции, к которой он по-прежнему принадлежал, хотя в партийных сборищах и не участвовал. Мешала также должностная самоуверенность и гордыня. Он говорил: “Председатель Государственной Думы второе после государя лицо в империи”. Ревниво и замкнуто стоял он на созданной им высоте»¹.

9 июля — в день, когда был опубликован Высочайший указ о роспуске Государственной Думы — группа бывших депутатов (главным образом те из них, которые представляли в Думе кадетскую партию) отправилась в Финляндию для выработки и принятия воззвания к населению России. Муромцев поехал в особом вагоне первого класса, весь его занимая своей персоной — он продолжал ощущать себя председателем Думы, хотя такого учреждения уже не существовало. После непродолжительного совещания, состоявше-

¹ Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 399—400.

гося в Выборге поздним вечером 10 июля, бывшие думцы приняли документ, которому дали возвышенное наименование «Народу от народных представителей»¹.

Обращаясь к гражданам «всей России», они утверждали в этом воззвании, что исполняли поручение народа своим представителям «добиваться земли и воли»: «составляли законы для обеспечения народу свободы», «требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу»². В качестве главной причины роспуска Государственной Думы Выборгское воззвание называло желание народных представителей «издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих». «Правительство, — говорилось в рассматриваемом документе, — признало такой закон недопустимым»³,

¹ Первоначальный проект данного воззвания был составлен в Петербурге 9 июля П. Н. Миллюковым сразу после совещания ЦК Конституционно-демократической партии (см.: *Миллюков Н. П.* Воспоминания. М., 1990. Том 1. С. 399—401). Утром 10 июля собравшиеся в Выборге депутаты от партий кадетов, трудовиков и социал-демократов образовали редакционную комиссию из 6 человек (по 2 представителя от каждой партии), которая выработала окончательный проект воззвания (см.: *Винавер М. М.* История Выборгского воззвания. Воспоминания. Пг., 1917. С. 10—11).

² Выборгский процесс. Иллюстрированное издание. СПб.: Тип. товарищества «Общественная Польза», 1908. С. 6.

³ 13 мая 1906 года Председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин заявил в своем выступлении на заседании Государственной Думы следующее: «Земельный вопрос — на основаниях, предложенных Думою, правительство считает недопустимым, так как начала неотъемлемости и неприкосновенности собственности являются во всем мире краеугольным камнем народного благосостояния и общественного развития, без коего немислимо существование государства. Не вызывается предлагаемая Думой мера, по мнению правительства, и существом дела, так как земельный вопрос может быть разрешен успешно без разложения самого основания нашей государственности» (Цит. по: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. В двух томах. Том 1. М., 1997. С. 162). С. Ю. Витте, весьма критически оценивавший позицию российского правительства (и особенно Председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина) во взаимоотношениях с Первой Государственной Думой, считал, тем не менее, что оно имело серьезные основания противодействовать принятию Думой закона о принудительном отчуждении земли. «За этот отпор правительство винить нельзя ни в коем случае, — заявлял Витте в своих воспоминаниях, диктовавшихся им стенографистке в 1912 году; — но правительство погрешило в том, что оно не позволило Думе обсуждать вопрос о земельном устройстве крестьян... Я держался того убеждения, что пусть этот вопрос перегорит в горниле Государственной Думы: чем больше Дума его будет обсуждать, тем более она, Дума,

а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей».

В заключительной части Выборгского воззвания, призвав граждан России крепко стоять «за попранные права народного представительства», бывшие думцы заявляли: «Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне не действительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию»¹.

Выборгское воззвание подписало в общей сложности 232 бывших депутата Государственной Думы². Многие из них не скрывали при этом своего отрицательного отношения к содержанию данного документа и ставили свою подпись исключительно из чувства солидарности со своими товарищами или потому, что не желали слышать в свой адрес обвинений в трусости.

В сентябре 1906 года против ста шестидесяти девяти бывших депутатов Думы, подписавших Выборгское воззвание, было возбуждено уголовное дело по статье 51 и п. 3 части 1 статьи 129 Уголовного уложения Российской империи 1903 года³. С 12 по 18 де-

будет встречать затруднений к осуществлению идеи принудительного отчуждения, которое легко проводится на бумаге, но гораздо труднее могло быть осуществлено в жизни» (*Bumme C. Ю.* Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб., 2003. С. 748).

¹ Выборгский процесс... С. 7.

² 180 бывших думцев подписали Выборгское воззвание в Выборге, 52 присоединились к подписантам позднее.

³ Статья 129 Уголовного уложения гласила: «Виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих: ...3) к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти; ...наказывается... заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет» (Российское законодательство X—XX веков. Том 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 308).

кабря 1907 года это дело рассматривалось на заседании Особого Присутствия Санкт-Петербургской Судебной Палаты¹. 167 из 169 обвиняемых были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного указанной статьей, и приговорены за намерение «возбудить население России к неповиновению и противодействию закону посредством распространения особого воззвания, обращенного к народу» к трехмесячному тюремному заключению. В числе осужденных оказался и С. А. Муромцев. Адвокаты подсудимых пытались обжаловать этот приговор, ссылаясь на допущенные судом процессуальные нарушения. Но Уголовный кассационный департамент Правительствующего Сената на своем заседании, состоявшемся 11 марта 1908 года, отверг их кассационные жалобы².

Назначенное судом наказание Муромцев отбывал в период с 13 мая до 11 августа 1908 года в московской Таганской тюрьме («Таганке»). Скучную тюремную жизнь он, как и положено ученому, скрашивал чтением научных книг. Из библиотеки Московского университета ему передали, по его просьбе, книги германских правоведов о древнееврейском праве. Сидя в тюремной камере, он писал программу и план-график лекций по гражданскому праву, набрасывал черновики статей, отвечал на многочисленные письма, которые получал часто от совершенно незнакомых людей.

Последнюю свою ночь в тюрьме Муромцев не спал, сидел одетый и ждал освобождения. И оно пришло с рассветом. В 4 часа утра 11 августа тюремный надзиратель открыл камеру и объявил, что бывшие думцы свободны. Так завершилась история Первой Государственной Думы... и политической деятельности Сергея Андреевича Муромцева.

Согласно статье 26 Уголовного уложения Российской империи 1903 года «присуждение к заключению в исправительном доме сопровождается лишением прав состояния...». В соответствии же со статьей 7 Высочайше утвержденного 6 августа 1905 года «Положения о выборах в Государственную Думу» лица, «подвергшиеся

¹ См.: Дело о Выборгском воззвании. Отчет о заседании Особого Присутствия Санкт-Петербургской Судебной Палаты с 12 по 18 декабря 1907 г. Бесплатное приложение к газете «Реформа» за 1908 г. В этой брошюре объемом 55 страниц приводятся тексты обвинительного акта, протоколов пяти заседаний и приговора.

² См.: Дело о Выборгском воззвании в Правительствующем Сенате. Приговор Палаты, кассационные жалобы, стенографический отчет и определение Сената. СПб.: Тип. товарищества «Общественная Польза», 1908.

суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния», не имели права избирать и избираться в Государственную Думу. Бывших думцев, попавших за распространение Выборгского воззвания под следствие и под суд, как правило, не лишали прав состояния, но запрещали участвовать в выборах в новую Государственную Думу. Муромцева, в отличие от других думцев, все же исключили из сословия дворян. А это, в свою очередь, означало, что Муромцев не мог быть присяжным поверенным. Единственным способом заработка для него оставалась с этих пор преподавательская деятельность.

Еще в то время, когда Муромцев являлся председателем Государственной Думы, произошло его возвращение в Московский университет. 18 марта 1906 года декан юридического факультета А. С. Алексеев и секретарь В. М. Хвостов направили в Совет Московского университета ходатайство следующего содержания: «Юридический факультет в заседании своем 17-го сего марта выслушал заявление, подписанное 9-тью членами факультета о желательности, ввиду предложенного факультетом расширения преподавания, усилить состав факультета приглашением 4-х нижеследующих лиц: М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева, кн. Евг. Трубецкого, Г. Ф. Шершеневича; факультет единогласно присоединился к этому заявлению. Ввиду сего факультет имеет честь ходатайствовать перед Советом о возбуждении перед министром народного просвещения ходатайства о назначении означенных лиц на следующие должности в Московском университете: бывшего профессора Московского университета, доктора государственного права Максима Максимовича Ковалевского — на должность сверхштатного ординарного профессора по кафедре государственного права без содержания; бывшего профессора Московского университета, доктора гражданского права Сергея Андреевича Муромцева — на должность штатного ординарного профессора по кафедре гражданского права; профессора университета Св. Владимира, доктора государственного права кн. Евгения Николаевича Трубецкого — на должность штатного ординарного профессора по кафедре энциклопедии права и истории философии права; профессора Казанского университета, доктора гражданского права Габриеля Феликсовича Шершеневича — на должность штатного экстраординарного профессора по кафедре торгового права и торгового судопроизводства. При этом факультет имеет честь просить Совет возбудить ходатайство о со-

хранении за С. А. Муромцевым права остаться присяжным поверенным Московской Судебной Палаты»¹.

29 марта 1906 года на заседании Совета Московского университета было рассмотрено обращение юридического факультета. При последовавшем затем закрытом голосовании посредством записок оказалось, что в пользу проф. Ковалевского высказалось 39 из 43 присутствовавших членов Совета; проф. Муромцева — 32, проф. Трубецкого — 35 при одном воздержавшемся, проф. Шершеневича — 28. На основании этих результатов члены Совета приняли решение ходатайствовать перед министром народного просвещения о назначении профессоров Ковалевского, Муромцева, кн. Трубецкого и Шершеневича на должности профессоров Московского университета, согласно представлению юридического факультета².

27 июля 1906 года из канцелярии попечителя Московского учебного округа было направлено в Совет Московского университета следующее сообщение: «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 24 июня с. г. за № 48, определен на службу из отставных статский советник, доктор гражданского права Муромцев сверхштатным ординарным профессором по кафедре гражданского права... К сему действительный статский советник Извольский счел нужным присовокупить, что профессор Муромцев назначен на вышеназванную должность без содержания»³.

С 1907 года Муромцев читал лекции также в Демидовском юридическом лицее, в 1908 году — лекционный курс по гражданскому праву в Высшем коммерческом институте. С 1 октября 1908 года профессор Муромцев преподавал в Народном университете им. Шанявского, читая в первый учебный год лекции по энциклопедии права, а во второй — еще и лекции по гражданскому праву. В начале 1909 года Муромцев приступил к чтению лекций по гражданскому праву в рамках Высших женских курсов. В результате учебная нагрузка Муромцева составляла в последний год его жизни по 20 часов в неделю. «Обозрение преподавания на юридическом факультете Императорского Московского университета на 1910—1911 учебный год» показывает, что в своей alma mater он должен был читать курс системы римского права по 6 часов в неделю.

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 84. Д. 600. Л. 1.

² Там же. Л. 2—2 об.

³ Там же. Л. 6—6 об.

Профессор М. М. Ковалевский писал о том положении, в котором оказался С. А. Муромцев после роспуска Государственной Думы: «Кто, подобно мне, занимался с 23-летнего возраста преподавательской деятельностью, знает, что лекция требует затраты большой нервной энергии. Мне никогда не приходилось читать лекции без подготовки, иногда требовавшей не нескольких часов, а дней и недель. Но и хорошо подготовленную лекцию всегда начинаешь при некотором сердечном волнении, разумеется тщательно скрываемом от аудитории. Читать более 20 лекций в неделю, как это делал Муромцев в последние дни своей жизни, это своего рода самоубийство»¹.

В сентябре 1910 года к супругам Муромцевым, проживавшим в скромной квартире вместе с сыном, приехала дочь Ольга. Сергей Андреевич уступил ей свою комнату, а сам снял на время номер в гостинице «Националь»: университет находился совсем рядом — удобно было ходить на лекции. Воскресный день 3 октября он провел со своей семьей, но на ночь отправился в гостиницу, сказав, что вернется домой не позднее 9 часов утра. Однако домашние его не дождались. Чтобы узнать, что случилось, в гостиницу поехал сын. В номер отца он достучаться не смог и вызвал в гостиницу мать с сестрой. Вместе с полицией они вошли в номер — Сергей Андреевич был мертв. Врачи дали заключение о том, что он скончался во сне от внезапного сердечного приступа.

¹ *Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. С. 384—385.*